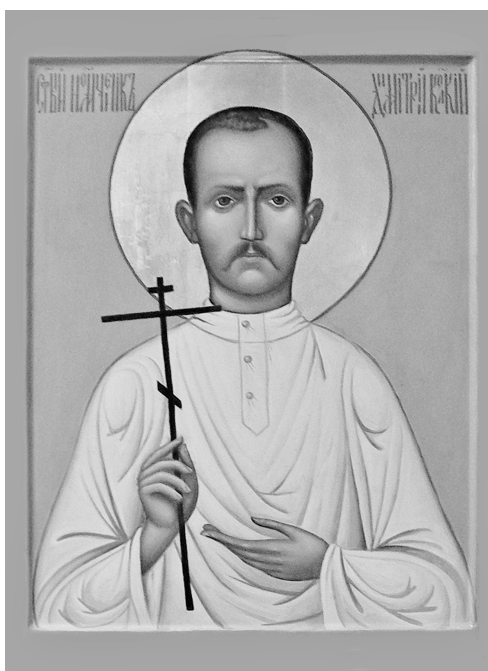

10 (23) апреля

Мученик
Димитрий Вдовин

Мученик Димитрий родился 3 февраля 1883 года в городе Коломне Московской губернии в семье Михаила Антоновича и Любови Пантелеимовны Вдовиных. Михаил Антонович был мелким торговцем. Окончив городское училище в Коломне, Дмитрий стал работать продавцом в лавке; в 1910 году он женился на дочери купца Надежде Ивановне Архиповой, с 1912 года завел свою мелочную торговлю, где был и хозяином, и продавцом.

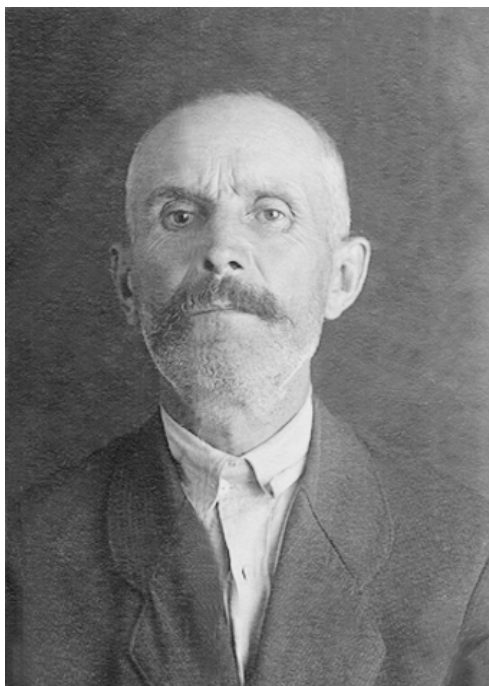
Мученик Димитрий

После революции – установившей как государственную веру для граждан безбожие – и разрушения хозяйственного уклада страны Дмитрий Михайлович пошел работать агентом по снабжению и конторщиком, а после того, как вновь была разрешена мелкая торговля, стал совладельцем одной четвертой части магазина «Казачков и Вдовиных», занимавшегося посудно-щепной торговлей; с 1927 года он стал изготавливать и продавать сита и решета. В 1930 году ему пришлось оставить кустарный промысел и поступить на работу в государственную организацию.

Несмотря на незначительность собственных средств, Дмитрий Михайлович, как торговец, был лишен избирательных прав. 15 апреля 1935 года власти Коломны приказали всем лишенцам в десятидневный срок выехать за пределы Коломенского района, и с 25 апреля Дмитрий Михайлович поселился в городе Озеры Московской области. Он начал усиленно добиваться отмены несправедливого решения, и 9 марта 1936 года ВЦИК удовлетворил его ходатайство, и он вернулся домой.

В 1937 году Дмитрий Михайлович работал агентом по снабжению при Районном управлении местной промышленности. В течение двух лет, в 1928-м и в 1929 годах, он был старостой одной из церквей в Коломне.

После того как в 1937 году руководство страны потребовало от сотрудников НКВД арестовать определенное число людей по каждому городу, району и области, руководство Коломенского НКВД энергично приступило к исполнению этого приказа. Тогда были арестованы все еще к тому времени находившиеся на свободе священно- и церковнослужители Коломенского района, а также некоторые из мирян, и среди них 22 августа 1937 года – Дмитрий Михайлович Вдовин.

*Дмитрий Михайлович Вдовин.
Москва, Таганская тюрьма. 1937 год*

На допросе в коломенской тюрьме следователь предъявил ему обвинение в недовольстве советской властью.

– Мне нечем быть недовольным, – запротестовал тот, – я живу неплохо, работаю, имею троих хороших детей, которые работают.

– Ну хорошо, давай говорить по существу, – сказал следователь, – ведь ты торговал, у тебя дело порушили – как же тебе быть довольным?

Но Дмитрий Михайлович не согласился с этими доводами, и на следующий день следователь пришел на допрос с новыми вопросами, обвинив Дмитрия Михайловича в агитации против советской власти.

– Ну, скажите тогда, когда и где были случаи такой агитации? – спросил тот следователя.

– Ну как где? Ну, возможно, что и в Москве. Вы ведь снабженец – вероятно, будучи по делу в Москве, могли агитировать.

Дмитрий Михайлович, однако, запротестовал, услышав столь легкомысленные утверждения.

Через два дня ночью следователь снова вызвал его на допрос.

– Дайте показания о вашей церковной деятельности! – потребовал он от обвиняемого.

– В 1928-1929 годах я состоял членом церковного совета. С 1929 года членом церковного совета я не состою, но остался приверженцем тихоновской ориентации до сегодняшнего дня.

– Вы арестованы как участник контрреволюционной церковно-монархической организации. Вы признаете это?

– Категорически отрицаю.

– Вы лжете перед следствием. Следствие располагает данными, изобличающими вас в участии в контрреволюции. Требуем от вас правдивого показания.

– Вторично утверждаю, что я членом контрреволюционной церковно-монархической организации никогда не состоял.

– Предлагаем вам прекратить запирательство и приступить к исчерпывающим показаниям о вашей контрреволюционной деятельности.

– Я еще раз утверждаю, что никакой контрреволюционной деятельности никогда и нигде не проводил.

На этом допрос был закончен, и Дмитрий Михайлович, прочитав текст протокола допроса и расписавшись под ним, потребовал, чтобы ему была дана очная ставка со лжесвидетелем, и 28 августа очная ставка была проведена; лжесвидетель подтвердил все данные им ранее показания, на что Дмитрий Михайлович заявил, что считает их ложными и категорически отрицает и заметил лжесвидетелю, что как же это он так делает, или умирать не думает, на что тот в полном противоречии с действительностью сказал, что если бы Дмитрий Михайлович был на его месте, то поступил бы точно так же.

По окончании допросов в Коломне Дмитрий Михайлович 1 сентября 1937 года был перевезен в Таганскую тюрьму в Москве, где следователь снова потребовал от него показаний о контрреволюционной деятельности, но Дмитрий Михайлович на это ответил: «Я ни в какой контрреволюционной организации не состоял и виновным себя в этом не признаю».

9 октября 1937 года тройка НКВД приговорила его к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере, и он был отправлен в Бамлаг, куда прибыл 16 ноября. Первое время он работал на лесоповале, но затем, тяжело заболев, был помещен в лагерную больницу, где его признали потерявшим трудоспособность инвалидом и направили работать в центральные мастерские при строительстве железной дороги. 30 января 1939 года он сообщил родным, что находится в Дальне-Восточном крае на станции Известковая в поселке Кульдур и работает в 53 колонне в пошивочной мастерской.

21 декабря 1939 года Дмитрий Михайлович написал родным: «...Благодарю за заботу обо мне и о моем здоровье, я чувствую себя пока хорошо для моего возраста... Хожу... уже без костылей, но с клюкой, то есть с палочкой. Ты пишешь, что я о ногах пишу скупно, – нет, я не скуплюсь, но не хотел бы писать о плохом, хотя и хорошего-то нет; вот скоро будет двадцать пять месяцев, как я выбыл от вас, и сколько еще пройдет, кто знает...»

30 декабря того же года он писал родным: «Вот уже и наступает 1940 год; да, время бежит как вода, не зависит от того, что живешь хорошо ли, плохо ли. У нас стоит зима в полном разгаре, хотя морозов таких, как в прошлом году, нет, – погода чудная, морозы ночью средние, а днем высокое теплое солнце, так что в общем пока очень хорошо...»

23 января 1940 года он написал супруге: «Ты пишешь и просишь не поддаваться унынию. Напрасно ты это думаешь. Я сам отлично знаю, что тоской и печалью делу не поможешь, и я чувствую себя очень хорошо – духом бодр, хотя отчасти плоть немощна, но для моего возраста и того достаточно, что имею, то есть здоровья, и тем более, где я нахожусь, сама обстановка не дает повод к большому унынию, – конечно, не дома, сама должна понять, но все-таки коллектив людей на нашей колонне очень хороший – начальствующие люди симпатичные, ко мне относятся как те, так и другие очень внимательно, даже подчас думается, как будто бы я этого и недостойн, поэтому и нет основания очень-то убиваться; напрасно ты так думаешь и судишь по какой-то фразе из письма – конечно, не дома, ясно и понятно... Я вам писал даже не один раз, что посылок не шлите, также и денег: расходы большие, а нужды большой нет, – я обхожусь, а у вас без того расходы, тем более это дело связано с такими неудобствами по дальности. Читая строки твоего письма, я очень-очень рад за вас, что у детей наших дружба – это самая лучшая черта в жизни, и желаю им также и в дальнейшем держаться ближе к дружбе, зная, что дружная семья веселее переживает радости и легче переживает неприятности...»

26 января Дмитрий Михайлович отправил заявление Верховному прокурору РСФСР, прося пересмотреть дело и освободить его из лагеря, но получил на это стандартный для тех лет ответ, что оснований для пересмотра дела нет.

5 сентября 1940 года Дмитрий Михайлович обратился к руководству НКВД с заявлением, в котором писал: «...Считаю предъявленные мне обвинения... голословными и ни на чем не основанными и ничем не доказанными... Я обращаюсь к Вам с просьбой поручить затребовать дело о моем аресте и постановление тройки опротестовать на предмет его отмены и освобождения меня от дальнейшего заключения». Заявление, однако, осталось без последствий.

23 ноября 1940 года он написал супруге и детям: «Я пока жив и сравнительно здоров, письма от вас получаю сравнительно нечасто – последнее было от 6 сентября. Погода у нас стоит хорошая, зима берет свои права, снежок выпал и лежит, морозы хорошие, так что подчас дают себя чувствовать. Но солнце светит ярко-ярко и на добрых и злых...»

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война и всякая связь заключенных с родственниками прекратилась. Последнее письмо, полученное от Дмитрия Михайловича, было отправлено им 28 мая 1941 года. Условия жизни заключенных с началом войны значительно ухудшились.

Дмитрий Михайлович Вдовин скончался 23 апреля 1942 года в Средне-Бельском исправительно-трудовом лагере и был погребен в неизвестной могиле.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Апрель». Тверь. 2006. С. 133-138

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Дополнительный том I. Тверь, 2005. /Составитель жития священник Максим Максимов. С. 134-138.